

Владимир Липилин

В ножички

Короткие рассказы

Владимир Липилин

В ножички. Короткие рассказы

«Издательские решения»

Липилин В.

В ножички. Короткие рассказы / В. Липилин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853984-8

Все, что ты придумал, сочинил о местности, оказывается потом чем-то весьма приблизительным. А уж родина вообще такова, что тут нельзя обобщать ничего даже в пределах одной географической точки. В каждой так называемой «дыре», обязательно случатся люди, которые думают, любят, и делают что-то по-настоящему.

ISBN 978-5-44-853984-8

© Липилин В.
© Издательские решения

Содержание

Способ изучения узоров снежинок на дворовых котах	6
А на реках мёрзнут лунки	7
Китайская элегия	9
Недочайка	12
Ёжики	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В ножички

Короткие рассказы

Владимир Липилин

© Владимир Липилин, 2017

ISBN 978-5-4485-3984-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Способ изучения узоров снежинок на дворовых котах

Вышел в сад подышать. А там дети... Поймали кота и не отпускают.

Вначале кот делал вид, что безмерно рад им. Трещал, как летом вентилятор. Дети восторженно шептались и приникали к нему, будто хотели препарировать. Будто искали, где сделать надрез.

Кот заволновался, он-то думал, будут кормить, но не получив хотя бы дохлой крысы, стал вырываться и ругаться кошачьим матом.

– Эй, – крикнул я им, – зачем животину мучаете?

– Мы не мучим, – дерзко сказали они. – Мы снежинки разглядываем. Они на нем не тают.

Я подошел. Снежинки сыпались редкие и падали на лоб коту, на усы и за шиворот. При этом светило солнце. И так каждая из них играла, так каждая уникальна была и узорчата, что страшно было дышать.

Кот, между тем, негодовал и подпустил в голос драной мартовской хрипотцы.

– Что ж ты за упырь такой, – сказал я. – Потерпеть не может. Мы ж тебе не хвост поджигаем.

– А это мысль, – сказал восьмилетний Димка.

– Даже не думай, – говорю.

Все замолчали и кот вроде как притих.

– Я могу чёрного поймать, – сказал Димка, – на нем еще прикольной видно будет.

Мы отпустили этого кота и пошли за следующим. А снежинки сыпались и сыпались. И солнце, между прочим, светило.

Мама увидела в окно, а когда я вернулся, спросила:

– Сколько, говоришь, тебе лет?

А на реках мёрзнут лунки

Поезд идёт на запад. В географическом понимании это в корне неверно, но для людей, едущих в этом поезде, всё, что за Уралом – запад или вообще «материк».

В поезде мушщины. Класс – который давно не принято учитывать ни в каком информационном поле. Работяги, золотодобытчики, газовщики. Я знаю людей, которых всего лишь упоминание об этом классе натурально бесит. Но тем не менее они есть. И кулаки у них такие, убедительные, что ли. По полведра.

Мушщины ведут гнилые разговоры. Красуются. Человек по природе страшный понтовщик, если не осаживать.

Есть, впрочем, рефлексирующие.

– Да после десятого года мир стал дико меняться и изменился. И время скакнуло прямо на глазах, то ли действие геной еды дошло и человек мутировал, то ли зависть душит, всем хочется быть голубых кровей.

– Да с такими кровями ща тоже навалом, – бубнит, не уместаясь на второй полке, тип, весь в наколках цветных.

– Братцы, я вам скажу, что реальности ее вообще нет. То как ты относишься к тому, че тебя окружает и есть реальность. Вот все такие: уё-мое уж сколько лет не чувствую Новый год. А ты чё, в детском саду, что ли, незамутненный, что ли? Не, милый, ты крылья говнецом своим невольно или от лени измазал, теперь продирайся к тому ощущению. Делай чё-то.

– Ага, я помню, мне бабка читала из писания, – совсем не в тему вещает еще один, – что дьявол он из окошка придет. И старухи на всякие праздники святые – то ветками берез окна защищали, то еще чем. А он, сука, не через то окно. Его-то окошечко виндоус называется.

Все кривят рты. Даже засыпающий.

К вечеру разговоры становятся рваными. Дополняются храпом, сопением.

– Мам, мам, а я стих придумала, – говорит с боковой полки девочка. И пытается на запотевшем окне, как на айпаде раздвинуть, сделать покрупней заоконное.

Мама уже цыкнула пробочкой от полторашки, а стакан, запрошенный у проводницы вежливо, все не идет.

– Мам, мам, стих, говорю, придумала, – девочка гонит каплю по стеклу.

– Да отстань. Ходит тут, ходит, жопой водит, – маме не нравятся красивые проводницы.

Мужик через купе не старый ещё, крепкий, который всю дорогу маялся тем, что вот «учинили тряхомудье, добропорядочному человеку покурить негде», диктует кому-то адрес.

– Заезжай. Баня, два коня, свиньи, овцы, пруд свой. Кроликов штук, наверно, шисят. Сношаюцааа! – последнее он выговаривает с таким придаханьем и таким нагромождением эмоций, как, пожалуй чеховский дядя Ваня выдавал о небе, которое когда-нибудь будет в алмазах.

Путь здесь еще не сделали «бархатным» и колеса отстукивают.

Мальчик лет двух идет от туалета и шлёпает себя по пузу резинкой от чистых колготок, сзади мама с горшком.

Мальчик не выговаривает шипящие, вместо «ш» и «ж» он произносит «ф».

И кричит на весь вагон, наполовину уже спящий.

– А теперь, давай фыкаладку.

У мамы счастье зашкаливает. Мы все как дети.

– Это за что же, – улыбается она.

– Нууу. Я ф молодец. Я ф покакал! – кричит он.

Ночь. Мужик, у которого кролики, выходит на станции. Сколько ни странствуй, но к этим вот звукам не привыкнешь никогда, они сладко ломают сердце. Когда поезд стоит в ночи. А через динамики дежурная и какой-нибудь бригадир дефектоскопистов переговариваются, умножая эхо. А потом этот лёгонький стук по крышкам букс —тук-тук.

Мама девочки сопит сидя, прислонив спину к перегородке.

Девочка шепчет.

– А на реках мёрзнут лунки. Рак не свистнет. Ну... Нечем дышать.

Луна бежит за составом, что привязанная. От стужи она в каком-то зеленоватом обруче. Как в кольце. И – леса, леса. Снег, снег.

На мостах, которые мы проезжаем, вагоны шумят сильнее.

Китайская элегия

Пили, как водится в тупике за вокзалом. Сидели на рельсах, подстелив газеты. И не вспомнить теперь: октябрь был, ноябрь ли? Помню только снег, снег и какую-то неконтролируемую тоску, оттаявшую от яблочного вина, как в осенних лужах палые листья.

Глядя на запорошенные поезда, Витька Мишкин написал стих:

Как свят был мир, когда была весна,
Была прекрасна жизнь обыкновенная.
И так легко поверить: пей до дна
В любом стакане плещется Вселенная...

Я пошёл за пивом для «догонки», но зачем-то взял билет до Питера, а потом вышел в городе Эн. И вовсе не по-пьяни, нет. Просто мы все тогда считали себя испытателями жизни. Дурачились, куролесили. Один мой товарищ, как-то испытывая эту жизнь изрядно поддавши, угнал в Самаре асфальтоукладочный каток и поехал на нем к своей девушке в город Тольятти. Гаишники перехватили его.

...По перрону, будто песок сквозь пальцы, пересыпал ветер поземку. Я поднял воротник и пошел бродить по городу.

Темнело. На трамвайных путях, щурясь от фар проезжающих машин, сидел чёрный котенок, облизывал белую лапу. Я махал на него руками, он не уходил. Тогда я подошел и стал искать, где у него шкурка. Чуть завалившись набок, выкатился вагон из-за угла. Звенел, звенел. А такое бывает, когда на тебя летит автомобиль, или поезд, ты превращаешься в застывшего в ступоре дебила. Несколько созвездий взметнулось из-под железных колес.

Из вагона выскочила девушка, сползла по фарам на корточки и заплакала. Я нёс какую-то чушь, про то, что вовсе и не хотел кидаться под колеса. И что вообще-то я отличник строевой и тактической подготовки, чуть не соврал, что майор.

...Котёнка я выгодно обменял в кафе на бутылку пива.

– Продай, – предложил мне армянин-шалычник. – Именно такого, красного, у меня и просила дочка.

– Он же чёрный, – возразил я.

– Ай, не толерантный ты, брат, совсем не толерантный. В лампочке же красным отливает, э! Я согласился.

Девушка заканчивала смену в одиннадцать вечера. Я ждал её у депо чуть пьяный (и больше от приключений), но с белой розой.

– Ты часом не с Луны свалился? – спросила она.

– Мой дом с ней где-то рядом, – тупо шутил я.

Потом были конфеты из коробки, вино во дворике, катание с ледяной горки. Ходили в магазин за мороженой вишней. Упали в снег и разглядывали летящий между звезд спутник. Тогда я так делал, да, был строен и романтичен.

– Я сегодня у подруги ночью, – сказала она. – А так в Шанхае живу.

– В Китае, что ли?

– Да нет, тут недалеко, за Окой. Просто там китайцы когда-то бараки строили.

Я проводил её в арку. Во дворе у дерева стояло запорошенное снежной трухой пианино.

– Еще в сентябре кто-то выкинул. В морозные ночи у него лопаются струны, и тогда получается музыка.

Она смахнула с крышки снег, перебрала клавиши:

– Ты когда уезжаешь?

– Ночью. Меня там с пивом ждут.

– Жаль, – сказала просто. – Как-то в этом мире все.., – пыталась подыскать нужное слово, лепила варежкой снежок, а он рассыпался, не поддавался. – Глупо как-то всё, запутано. Почему нельзя просто: жить, жить, жить?

– Почему? Можно, – возразил я. – Но недолго.

– Ладно. Извини. Не броди больше по рельсам. Они часто идут по кругу.

Билетов не было, и не уехать. И снова я шатался по городу. Говорил со стариком, сторожившим баркасы. Пил с мужиками в забегаловке. Узнав, что я журналист, они наперебой стали советовать:

– Ты про эту, про Нинку из буфета напиши, у нее знаешь какие сиськи. А-а-а, извини. Тогда про Коляна. Он один раз на тракторе через реку по единственному бревну проехал. Ну, в слюни, конечно, был.

...Следующим днем я шёл к телеграфу, и увидел её. В проводах дирижировала метель.

Девушка ладонью заслоняла розу от снега, но он все равно падал и, оставляя холодные капли, таял.

– А ты говоришь трамвай, – сказал я. – По кругу.

– У меня сегодня первая смена, – разглядывая снежинку на варежке, смутилась она. – Вот... А роза не вянет.

И я остался.

У нее были щенячьи глаза и пугливые губы. В пустой электричке, на которой мы мотались в один городок. В кинотеатре, где только для нас крутили «Девушку на мосту». В санях, в которых ехали под вечер через реку-Оку обратно. Возница беспрерывно курил и качал головой: «Ишь, веселые какие». И будто опомнившись, дергал за вожжи и притворно, без злобы орал: «Но паскуда! Понеслась манда по кочкам».

Потом был казахский поезд, вагон-ресторан и акын, играющий что-то заунывное и степное. Я пил из пакетиков «Три в одном» то, что почему-то зовется «кофе» и рвал на мелкие кусочки ее адрес и телефон. Потому что знал: ни через день, ни через год не позвоню и не приеду. Лучше, чем было – всё равно ж никогда не будет.

...А утром (спустя три дня) я принёс в редакцию пиво.

– Ни хрена себе! – возмутился фотограф. – Ты за ним в Китай, что ли, ездил?

Недочайка

– Такая тоска, – говорила она ночью в телефонную трубку. – Как будто осенние дожди всей Земли залили мое сердце.

И он мчался к ней. Такси, вино, сигареты.

– Никак не пойму, что со мной, – будто крыльями вязаной из козы шалью обвивала она его шею.

– Чего-то хочется, но сама не знаю чего.

Когда три дня назад она произнесла эту фразу режиссеру театра, в котором была актрисой, тут же ощутила под юбкой его ладонь. Он толкнул её в декорации «Чайки»...

Через время, глядя в зеркальце и пудря ободранный от неистовства и щетины подбородок, сказала:

– Я даже вскрикивала как она...

– Как кто? – не понял режиссер.

– Как чайка. Я – чайка.

Ей нравились витиеватые фразы, инсталляции и стихи. Она любила снег в фонарях и мерзлую вишню. Один поэт как-то написал о ней:

Ее улыбка из жести,
Ее мечты, как трава.
Элементарные жесты,
Больные оспой слова.
Любовь к неточным наукам,
Под шифоньером вино.
Гостеприимные руки,
Глаза с двойным глазным дном.
Она влюблена во вращенье Земли.

Ну а он был уездным журналистом и писал о театре. Впрочем, особо писать было не о чем. Спектакли были скучными, актрисы распутными и бездарными. То ли дело его коллега Витька Бубнов. Витька был человеком безграмотным, но имел безмерное нахальство и, что называется, хватку. Он встречался с известными режиссерами, актерами, поэтами. Только вот вернулся с Московского кинофестиваля.

– Ну и как? – интересовались корректорши.

– Интервью с сделал. Спускаюсь по ступенькам в Доме кино, он – по другой лестнице – поднимается. Я: «Хелло, Джек». Он вскинул руку, расплылся в улыбке. Тут охрана – хыщ-щ – его в одну сторону, меня в другую. Но ниче, – закончил Витька, – полосу написал.

И обращаясь к Фролову:

– Старик, в слове «вперед» – «ф» вместе пишется или раздельно?

Впрочем, в театре играла она. Слезно, лживо, надрывно, но что-то тянуло его к ней. Быть может, глаза? Они и в самом деле были с каким-то двойным дном, влекли к себе, засасывали.

А ей уж было мало мужика. Ей хотелось поиграть с ним, как с бритвой. Товарищ Есенин говорил о таких: «И не хочешь пойти, да пойдёшь». И он таскался за ней. Бродили по набережной, говорили. Он фотографировал ее обнаженной возле ржавых сухогрузов на отдаленной верфи. Она стояла на носу заброшенной баржи, раскинув руки, как птица.

– Я похожа на чайку?

– Похожа. И на камень похожа тоже.

Иногда дня по три они не выходили из её уставленного всюду пошлыми ароматическими свечами дома. Она билась в его объятьях, и впрямь как зажатая в ладони птица. И с присущей ей эпотажностью называла это днями постельной поэзии.

Как-то Фролов уехал в Вологду. Вернулся вечером, когда полыхал в окнах закат. Прямо с такси позвонил ей.

– Три дня назад, – сказала она, как ни в чём не бывало, – зашёл Бубнов с бутылкой Крымского муската. Мы танцевали. Я и сама не знаю, как так вышло. Но я летала.

Осень будет звенеть о стекло. Всю ночь он будет писать ей письма. Писать и смахивать бумагу на пол. Писать и смахивать.

А потом за бутылку в парашютном клубе уговорит лётчика АН-2. Самолёт оторвется от земли и через мгновение за ним протянется шлейф из ночных писем. Ветер разметает их по городу. А чуть раньше прозвенит в театре третий звонок. Она выскочит на тускло освещённую сцену и вскрикнет:

– Почему люди не летают, как птицы?

Ёжики

И казалось, так много лета ещё впереди. И они ещёкупаются в прозрачной маленькой речке, где белый песок на нехоженных берегах барханами. И лопухи... Величиной с утреннюю газету.

Наезжаются на великах по лугам, в которых к полудню делаются запахи, словно тысячи бабушек разом готовят в летних террасах ведрами, тазами дивные свои варенья.

Она вела машину, а он никак не мог отвлечься от её чуть согнутых, выбившихся на ладонь из-под легкого платья, коленей. Это было невозможно же, ну, невозможно. Казалось, такое не под силу сотворить природе. Ну разве что морю, усердно работающему над галькой.

В приёмнике звучали отвязные сербы. И на душе, там, в солнечном сплетенье, где у него ямочка, в которую она так любила утыкаться носом и щекотала дыханием, – такой легкой. Как будто вместе с ними на заднем сиденье ехал, сладко подрёмывал всех простивший в этот день Бог.

О стекло вдруг шмякнулась бабочка и долго держалась, расплющенная.

– Блин, – серьезно сказала она и чуть прибавила.

А навстречу по трассе из пункта А уже выдвинулся серебристый Форд с пьяным водителем.

– Смотри, ёжики! – почти вскрикнула она. Взяла вправо. Колесо шелестнуло по луже, как переворачиваемая страница.

Целое семейство ёжиков во главе с мамашей важно переходило дорогу. Папаша на шухере страховал. Машин, впрочем, не было. Лес по бокам стоял оглохший, немой. Вязко пахло сосной. Она вышла.

– Хм. Смешные какие.

Ёжики ни разу не убоявшись, чинно проследовали за обочину, потерялись в травах, а улыбка ещё долго не сходила с лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.